

VI. Документы

Зарисовка из жизни революционера. «Исповедь» Всеволода Волина

Публикация и предисловие Алексея Макушинского

Ниже мы публикуем письмо русского анархиста Всеволода Волина (псевдоним Всеволода Михайловича Эйхенбаума). Всеволод Волин родился в 1882 г. в Воронежской губернии в семье врача¹ (его младший брат, Борис Михайлович Эйхенбаум – знаменитый литературовед, один из зачинателей и ведущих представителей русского формализма). В революционном движении Волин начинает участвовать в 1901 году, будучи студентом правоведения в Петербурге. С 1905 по 1911 год он член партии эсеров, в 1905 г. принимает участие в создании Петербургского Совета рабочих депутатов. Арестован 8 декабря 1905 г. и приговорен к вечному поселению в Сибири; бежит с этапа 19 августа 1907 г. (письмо, которое мы публикуем, позволяет выяснить эти точные даты). Вместе со своей первой женой Татьяной, урожденной Салоповой, ведет революционную работу в Нижнем Новгороде; после ареста Татьяны, в конце 1907 г. (не в начале 1908, как указывается в некоторых справочных изданиях) эмигрирует в Париж. В 1911 г., после дела Азефа, Волин выходит из партии эсеров. Перед и во время мировой войны он участвует в нескольких эмигрантских и международных анархистских организациях и изданиях, в 1914 году примыкает к анархо-синдикалистам. В 1916 году французские власти арестовывают его за антимилитаристскую агитацию, он бежит в США, где становится членом Союза русских рабочих в США и Канаде, а также членом редколлегии издаваемой Союзом газеты «Голос труда». Годом позже, после Февральской революции, возвращается, как и вся редакция «Голоса труда», в Россию, где остается членом редколлегии этой газеты, выходящей теперь в Петрограде. Кроме того, участвует в создании Петроградского «Союза анархо-синдикалистской пропаганды». Октябрьский переворот он решительно отвергает. «Путь марксизма», пишет он в одной из статей того времени, «неизбежно проходит через государство, политическую власть и политическую дикта-

¹ Биографические сведения о Волине можно найти в энциклопедии: *Политические партии России. Конец XIX – Первая треть XX века*. Москва, «Росспэн» 1996. Ср. также предисловие Р. Рокера (Rudolph Rocker) в: Voline, Vsevolod: *The Unknown Revolution 1917-1921*. Detroit, Chicago 1974.

туру. Путь анархизма проходит через самостоятельную организацию масс.»² Тем не менее, Волин принимает участие в «защите Октябрьской революции от наступающих немцев» во главе сформированного им анархистского партизанского отряда; весной и летом 1918 г. участвует в боевых действиях против гетмана Скоропадского. Осенью 1918 участвует в создании Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат» в Харькове; в 1919-1920 гг. – член секретариата Конфедерации и член редколлегии одноименной газеты. Наиболее значительным эпизодом политической карьеры Волина следует, по-видимому, считать его сотрудничество со знаменитым анархистским атаманом Нестором Махно; Волин – председатель Военно-революционного совета махновской «армии» и один из ведущих идеологов «махновского движения». Арестованный в ноябре 1920 г. после разрыва Советского правительства с Махно, он проводит более года в Бутырской тюрьме в Москве; освобожден по ходатайству делегатов съезда Красного Профинтерна и 5 января 1922 вместе с некоторыми другими анархистами выслан за границу. До своей смерти в 1945 г. Волин живет во Франции, по-прежнему принимая участие в анархистских изданиях, выступая как оратор и публицист. Волин - по крайней мере, на Западе – известен, в первую очередь, как автор написанной им в конце жизни по-французски и переведенной на многие языки истории русской революции „La révolution inconnue“ («Неизвестная революция»). Это трехтомное издание, рассматривающее русское революционное движение и саму революцию с последовательно анархистской точки зрения, до сих пор остается одним из важнейших источников по истории русского анархизма.³

Письмо, которые мы публикуем, задает некоторые загадки. Так, нам не удалось выяснить, ни кто является его адресатом («Вася»), ни кто был тем «исключительно-образованным и умным», впоследствии сошедшим с ума человеком, которому Волин предоставил решение своей судьбы, ни, наконец, в чем же состоял тот его великий «замысел», о котором Волин пишет столь патетически. Мы полагаем, однако, что и без этих сведений письмо представляет значительный биографический, а также, если не в первую очередь, психологический интерес.

Париж, 6-го Января 1908 г.

Итак, дорогой друг мой, расскажу тебе в самых коротких словах, как и зачем попал я в этот «бешеный город-гигант». Зная, что такое – переписка, ты не посетуешь на меня за неполноту.

30-го Июля 1907-го года по российскому стилю я выехал в этап и в арестантском одеянии из СПб. Пересыльной тюрьмы. Железнодорожный путь СПбург – Красноярск (через Вологду, Пермь, Челябинск) мы совершили в 10 дней, и 7-го

² Цит. по: *Политические партии России*. Стр. 121.

³ Русский перевод в Интернете: <http://novsvet.narod.ru/volin-index.htm> (9.08.2005).

Августа я водворился под кровлей Краснояр. Пересыльной тюрьмы. – Прожив в ней неделю, я 15-го Августа в этапе же (39 человек) отправился к месту назначения (деревушка Савино на самом востоке Енисейской губ./ернии/). – 19-го Августа в 10 ч. у. /часов утра/ я был уже «свободен», т.е. нас 8 человек бежало с пути, и в этот момент мы двигались уже по тайге пешком, обратно в Красноярск. – 23-го Августа я был уже в Красноярске, а 30-го прибыл в Нижний-Новгород, где жила и работала Татьяна. – Из 8-ми человек бежавших, трое рано вернулись в этап, не выдержав пути. – Татьяну я нашел 31-го Августа. – Ты понимаешь теперь, что что бы я ни написал тебе по поводу всего пережитого с 8-го Декабря 1905 г. – дня ареста – по 31-ое Августа 1907-го г. – день полной воли, – я не скажу ровно ничего, ибо об этом надо говорить. И даже на словах, Вася, не передать всего! Это – бездна. – Чего стоит, напр., психологически, одна поездка от Питера до Красноярска – в этапе, неразрывно с женщиной, товарищем по процессу, которая меня исключительно-глубоко и «безумно» полюбила и которую я полюбил наряду с Т./атьяной/, хотя и иными сторонами. Это – дивный и своеобразный сон.....

Но я хочу сообщить тебе пока только тот главный результат всего пережитого, который я сознал сам, едва задал себе вопрос об этом «главном результате» и с которым я приехал к Т. 31-ого Августа. – Результат этот состоял из двух частей: первая – решительный толчок к полному психическому здоровью (которого я не знал 6 лет), но в то же время сознание того, что для реального и полного оживления психического, уже окончательного, необходимо отдохнуть и полечиться. – Вторая часть – яркое сознание необходимости сделать решительный и резкий выбор между чисто-боевым партийным делом (вступление в Боевую Организацию) или – посвящением себя и своей дальнейшей жизни великой творческой работе, которая определилась в то время во всей своей полноте и законченности. – Очень решительное влияние на самый выбор оказало знакомство мое в «Предварилке» с одним весьма интересным человеком, сошедшим теперь с ума, но в то время здоровым и, главное, исключительно-образованным и умным (т.е. независимо, объективно и глубоко-философски смотрящим на вещи). – Я добился в тюрьме возможности провести с ним неск./олько/ вечеров, посвятил его в сущность моей творческой концепции и услышал отзыв, который единственно мог убедить меня уйти от «революции дня» для «революции мира»: концепция именно-гениальна и безусловно-нова и плодотворна. Так сказал мне чк /человек/, осведомленный прекрасно как с прошлыми, так и с современными течениями научной мысли во всех областях, а особ./енно/ – в философии и социологии. Я ждал человека, отзыву которого я мог бы абсолютно верить. Я нашел его. Я сказал этому человеку: если мое творческое – не ново, не ярко, не велико, – я не уйду. Если оно талантливо, – я не уйду. Поймите, что я жду прямого и резкого, определенно-го и «страшного» ответа. Если это – гениально и исключит./ельно/-колоссально, – только в этом случае – смешно оставаться под шальными пулями. Я слышал голос судьбы в том, что решал этот вопрос, Вася. Человек сказал: Мне на вас лично

наплевать, пусть вас убьют, идите к черту. Но ваш замысел – гениален по содержанию и исключит./ельно/-велик и важен по плодам, которые он даст. – В этот момент, Вася, я слышал голос судьбы, и вопрос был решен для меня. То, что я лично «чувствовал» («чувство» не давало мне нравств./енного/ права «уйти») и что «казалось» всем товарищам, было объективно признано. – За последним «советом» и за практич./еской/ помощью я ехал к единственному чку /человеку/, которого мнение для меня было дорого, который был недалеко, который истинно любит меня и которого я люблю особенно, – к Татьяне. Я возмутительно короток и небрежен в письме, ибо больно писать «комком» о вещах величественных. Я надеюсь повидаться с тобой (быть может, даже в недалеком будущем) и – рассказать все, все, шаг за шагом. О, ты увидишь человека.

Татьяну нашел я в самом пекле повседневной работы революционера. Дохнуть было некогда: 8-го Сент./ября/ предстоял губернский съезд, 15-го областной. Говорить было нельзя. Надо было работать. Мы решили так: работать вместе до 15-го; 15-го она поедет на обл. съезд, 20-го вернется, возьмет отпуск на 4 дня, и эти 4 дня мы проведем в каютке парохода (прокатимся до Самары и обратно), причем решим как личный вопрос так и мой общий..... Я вошел в то же пекло. Работая дни и ночи и проведя губернский съезд (в кач./естве/ гостя-председателя), – я 15-го отправил, т.е. благославил Т-ну на областной. А 22-го Сент. я получил от нее письмо из тюрьмы.....

Я остался в Нижнем на работе. Я устроил Т-ну в тюрьме (свез ей вещи и деньги) и вступил в нижегородский партийный комитет. Работы было по горло. Аресты и обыски – ежедневно. В такой атмосфере я прожил до 5-го Ноября. Приехал товарищ на мое место, перенял дело, а я – поехал прямо в Париж, положившись на судьбу. Мнение Татьяны было за Париж же. – Вот в двух словах схема. –

За этой холодной схемой стоят переживания и события самые глубокие, какие только могут быть на земле.....

Дело мое в Париже: 1) отдохнуть и выздороветь, ибо за время нижегор./одской/ работы я устал и расклеился сильно. 2) Приступить к работе. –

В данное время я устраиваюсь и отдыхаю. – Завтра начинаю лечение. – Через 2-3 недели начну великую работу – нагонять 6 лет и готовиться к делу жизни. Судьба – по-видимому, со мной. – Если не выздоровею бесповоротно, – застрелюсь, конечно.

Пиши, друг.
Твой Всеволод.

Письмо Михаила Зощенко

Письмо Михаила Зощенко писательнице Наталье Давыдовой, которое мы публикуем впервые, вряд ли нуждается в комментариях. Внешнее положение и внутреннее состояние автора, бедность, одиночество, депрессия или, как он сам выражается, меланхолия гонимого писателя выражаются в нем слишком отчетливо и не требуют пояснений. Следует лишь заметить, что письмо написано в мае 1953 года, т.е. через два с половиной месяца после смерти Сталина, когда в стране, и в литературе в частности, появились первые признаки «оттепели», что, хотя и не сразу, но отразилось и на судьбе писателя, после постановления ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 г. и после пресловутой речи Жданова объявленного, как известно, персоной non grata. Заметить следует, впрочем, также, что следующий «раунд» гонений со стороны советских властей Зощенко еще только предстоял; они были спровоцированы его отказом год спустя, в 1954 г., во время организованной Союзом писателей с пропагандистскими целями встречи Зощенко и Ахматовой с британскими студентами признать свои «ошибки».

(Алексей Макушинский)

Маташа, Ваше письмо писемцо
получил своевременно. Спасибо.

Ответа с задержанием, так как
был нездоров, болел, нехорошо себя
чувствовал. Да и сейчас это про-
должается.

Очень был тронут Вашей заботой о
моих делах. Действительно, Каза-
ков (вскоре после письма) сообщил
мне, что издаст - во "Квотр. Лидер"
собирается перевести Лесина в
моём переводе. Это, конечно, очень
хорошо, что дела у меня самые
печальные и тяжёлые на пороге.

Что касается СЛП, то пока нет
никаких сведений о движении воды.

говорят, что Горчи Софронов. А он то
(как раз) и предложил мне подать
заявление в союз. Некоторые не-
связные присутствуют в этой
фигуральной процедуре.

Других дел у меня пока нет.
Или я не знаю о них. Весь этот
месяц я изволил пробыть в моей
комнате и без дела.

В Москву совсем нездоровья,
в ут. Вряд ли в скором времени при-
еду. Несомненно АН скорее вер-
нется в Ленинград. Зина и
Кадисов поведать Вас.

Вот уже то оного нездоровья (приз-
наков дан) у меня нет, но видимо
фигуральное и невысказанное раз-
дражение внесло некоторую остроту
в мое тело. В преннии стареет
фрагмент над душой. И в этом было

некто справедливое. Не может двух тысяч
век я бы (книже) охотно выждал
на дуде. И вотта все кончилось
ты так, как полагалось ты в этот
мире.

Трудно видеть себя в механическом,
а кобырой я не чужа похвастать уже
много лет.

Прощайте, караша. Вероятно
ты увидишь Г.Н. — передайте ему мой
самый сердечный привет. И ты. Навер,
еще он в Москве.

Да, еще продолжка у меня к Ада
узнайте где находится издательство
"Книжная литература" (Вдовиченко). Мне
известно, что оно существует не при
Госиздате, а где-то самостоятельно.
Это в том случае, если вас не затруднит?

Будьте здоровы, караша. В твои души
попытайся (у книжки) литературных
человек. И увери в своем

27/553

Рим Рим Рим